
ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В РУССКОЙ И В БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ

Е.Ю. Муратова

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Московский пр-т, 33, г. Витебск, Беларусь, 210038

Родство русского и белорусского языков позволяет проводить сравнительный анализ поэтических текстов на данных языках. В статье исследуется специфика фонетического уровня поэтических произведений. Фонетическая значимость проявляется в специальной организации звуковой формы поэтического текста, в котором частотность и группировка фонем отличается от норм общей речи. Влияние звучания на значение ярко проявляется и в русской, и в белорусской поэзии за счет особой организации звукового ряда, повтора определенной группы звуков, звуко смысловой изотопии.

Ключевые слова: звуковой ряд, лексическое значение, фонетическая значимость, фонетическое сближение

Русский и белорусский языки очень близки между собой, что проявляется во всех сторонах языковой структуры: звуковом строе, лексическом составе, словообразовании, грамматике. Близкое родство языков позволяет проводить сравнительный анализ поэтических текстов, при этом особый интерес представляет фонетическая специфика каждого из языков, которая своеобразно проявляется в поэзии.

За счет активизации микросистем языка звук в поэзии оказывается «озвучен» в гораздо большей степени, чем в естественном языке. Но это «озвучивание» особого рода. Как писал Борис Пастернак, «музыка слова — явление совсем не акустическое и состоит не в благозвучии отдельно взятых гласных и согласных, а в соотношении значения речи и ее звучания» [6. С. 213]. П. А. Флоренский, например, считал звук некоей тягучей субстанцией, которая вливается в нас и завладевает всем нашим существом [7. С. 35]. Взаимодействие фонем на любом отрезке поэтической системы — явление очень тонкое, его восприятие практически полностью лежит в области бессознательного, а не в логически-понятийной сфере человека, поэтому и анализ смыслопорождающих процессов, происходящих на фонетическом уровне поэтического языка, объективно трудно вербализуем. По Р. Барт, это — *гул языка*. «Гул языка — это его утопия. — Утопия музыки смысла; это значит, в своем утопическом состоянии язык раскрепощается... изменяет своей природе вплоть до превращения в беспредельную языковую ткань, где теряет реальность его семантический механизм; здесь во всем великолепии разворачивается означающее — фонетическое, метрическое, мелодическое... Смысл маячит в отдалении нераздельным, непроницаемым и неизреченным миражем, образуя задний план, “фон” звукового пейзажа» [2. С. 542—543].

Фонетическая значимость проявляется в специальной организации звуковой формы поэтического текста, в котором частотность и группировка фонем отли-

чается от норм общей речи. «Эта норма, — пишет Ю. М. Лотман, — реализуется особым образом — незаметностью. Пока мы не замечаем той или иной стороны языка, можно быть уверенным, что построение ее соответствует нормам употребления. Нарочитое сгущение в употреблении того или иного элемента делает его заметным, структурно активным» [5. С. 61].

Влияние звучания на значение ярко проявляется и в русской, и в белорусской поэзии. Достаточно часто наблюдается и одинаковая мотивация в обеих поэтических системах скопления звуков с определенным набором фонетических характеристик. Так, художественная роль звуков [з / с] (в силу их одинаковых фонетических свойств в обоих языках) и в русских, и в белорусских поэтических текстах часто реализуется в передаче звуковых и световых ощущений.

1. Мне синь небес и глаз любимых синь / Слепят глаза... 2. Разлетелось в серебряные дребезги / Зеркало, и в нем — взгляд (М. Цветаева). 1. Его терзает сизое сверканье / той части спектра, где сидит фаза. 2. Блеск озера слезил / зрачок, когда спускалась за водою / красавица, а он за ней следил (Б. Ахмадулина). 1. О, возлюбленный, не выведывай, / Для чего развожу засов. (Звуки [з–ж–з] буквально передают скрип засова.) 2. Здесь у каждого мысль двоякая, / Здесь, ездок, торопи коня. / Мы пройдем, кошельками не звякая / И браслетами не звеня (М. Цветаева).

Хотя в данных строчках и стоит отрицание «не», но именно звяканье монет и звон браслетов слышится в этом четверостишии посредством повтора. Интересно отношение М. Цветаевой к звукам [з / с], которое она выразила в «Дневниковой прозе»:

Пугачев черен, Разин бел. Да и слово само: Степан! Сена, солома, степь. Разве черные Степаны бывают? А: Ра–зин! Заря, разлив, — рази, Разин! Где просторно, там не черно. Чернота — гуща [9. IV. С. 27].

Аналогичные примеры из белорусской поэзии:

КАСА

Каса — косяя, аднак там, дзе яна праходзіць, застаюцца чыстыя, без касмыкоў, касынкi лугоў і роўныя каснікі пакосаў...

На касу, як на смерць, касавурацца гусакі, на касу сыкае асака, яе касаюць камяні, ад яе адкасоўваюцца кусты, але... касу ксціць касец Ясь і ... касінер Кастусь (А. Рязанов).

Не звыкшы нікога вініць, / Пракос незакончаны скосіць. / Халодна каса завініць — / і скосіць... (Р. Бородулин).

Как видим, во всех приведенных выше примерах за счет особой организации звукового ряда самоорганизуются добавочные семы значений, которые появляются в результате трансмерных отношений между лексемами на фонетическом уровне. Новые семы значений не являются результатом линейного развертывания высказывания, они проявляются нелинейным образом как ассоциативный синтез восприятия определенным (художественным) образом организованных звуков.

Еще один похожий пример из лирики Б. Ахмадулиной, отражающий ее творческую манеру:

Вошла в лиловом в логово и в лоно / ловушки — и благословил ловец / все, что со всем почти, едва лилово / или около-лилово, наконец [1. С. 156].

В данном контексте повтор звуков представлен несколькими разновидностями (повтор звуков [о, л] и сближение слов с фонетически близкими комплексами звуков). Весь контекст объединен фонетической фракталью «лов»: *лиловый, благословил, ловушка, ловец*. Но фонетическая фракталь «лов» в данном контексте одновременно является основой разных семантических фракталей «лиловый» и «ловить», в результате чего во всех лексемах самоорганизуется смысл ловли, ловушки. Не только героиня вошла в *логово ловушки*, но она сама — *ловец и ловушка*, олицетворением чего является лиловый цвет.

Также наблюдается одинаковый и в русском, и в белорусском языках механизм образования новых, более широких фонетических фракталей посредством повтора определенной группы звуков:

Дрэва: / крывыя галіны, / крылатае лісце, / скрытыя карані (А. Рязанов).

Ветки, листва, корни являются живыми частями дерева, но одинаковое повторяющееся сочетание *-кр-* усиливает их общность на подсознательном уровне у читающего.

Звуковой повтор может играть важную смыслообразующую роль. Так, принципиально важному, эмоционально наполненному для автора слову может предшествовать целая система звуковых повторов, особая «звуковая подготовка» [З. С. 178], ключевое слово в тексте на звуковом уровне начинает как бы излучать звукосмысловые кванты, которые проецируют и усиливают смысл главного слова на весь поэтический текст. Например, в стихотворении М. Цветаевой «Лорд Байрон! — Вы меня забыли!» лейтмотивом проходит слово *лорд*:

Лорд Байрон! — Вы меня забыли! / Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?.. / И кудри — жесткие от пыли — / Разглаживала Вам — не я ль?.. / И моего коня, — о, гордый! / Не Вы ли целовали в морду, / Десятилетний лорд и пэр!.. / — Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?

Как видим, помимо лексического повтора самого слова *лорд* в данном контексте весьма значимо повторение звука [р] и сочетания [рд] как элементов слова «лорд», т.е. фонетическая фракталь [р, р, лорд] охватывает все стихотворение. На 30 знаменательных слов приходится 15 словоупотреблений, включающих данные сочетания звуков. При помощи такого подсознательного «размножения» звуками ключевое слово концентрирует на себе все смысловые поля стихотворения. Здесь мы наблюдаем звукосмысловую изотопию (термин «изотопия», введенный А. Греймасом, служит для обозначения повторов «тождественных сил» в тексте), которая репрезентируется набором повторяющихся звуков, лежащих в основе лексемы *лорд*; их соотношение выявляется в пространстве всего стихотворения. В результате на подсознательном уровне разные по словарному значению лексемы (*лорд Байрон, кудри, разглаживать, гордый, морда, пэр*) объединяются в одной сложной семантической фрактале «лорд» с совокупностью смыслов *аристократизм, гордость, благородство, изысканность*.

Аналогичный пример из белорусской поэзии:

Горад горды і высакародны: ён стаіць ... на ўзгорку, на грудзе...Горад загартаваны ў горне розных нягод і прыгод, ён перагараджае ордэну і ардзе дарогу да валадарства (А. Рязанов).

Здесь так же, как в стихотворении М. Цветаевой «Лорд Байрон», наблюдается явление изотопии, которая репрезентируется повтором звуков [г], [р], [д], составляющих основу ключевого по передаваемому смыслу слова *гордость*. В результате разные по словарному значению лексемы стихотворения, включающие эти звуки, объединяются в единую фракталь «гордость за свой город» с совокупностью смыслов *гордость, сила, уважение, преклонение*.

Хотя русский и белорусский языки являются близкородственными, тем не мене это языки разные, и появление новых смыслов за счет фонетического сближения лексем в белорусском языке имеет свою специфику. Так, в русском языке возможно противопоставить *магазин* и *храм* как символы быта и бытия, но фонетически это противопоставление не поддерживает семантику антитезы и не углубляет ее. В белорусском языке *магазин* — это *крама*, поэтому особую художественную силу приобретают строки:

Напэўна, няма ў тым драмы, / Здзіўляцца няма чаму. / Хто ў крамы ідзе, / Хто ў храмы, / і моляцца хто каму (Р. Бородулин).

Или противопоставление лексем *мука́* — *му́ка* в русском языке происходит только на уровне ударения. Например, у М. Цветаевой есть стихотворение «Мука и мука»:

— «Все перемелется, будет мукой!» / Люди утешены этой наукой. / Станет мукою, что было тоской? / Нет, лучше мукой! / Люди, поверьте: мы живы тоской! / Только в тоске мы победы над скукой. / Все перемелется? Будет мукой? / Нет, лучше мукой!

У Р. Бородулина:

Ды кожны свае / мяхі дастае / з мукою, з мукаю. / А доля галоднаю перадойкаю ў поле / самотна мукае.

В белорусском языке эти лексемы различаются и ударением, и орфографически. Яркая антитеза: достаток, богатство, довольство (мешки с мукой) — бедность, нищета, болезни (мешки с мукой) усиливается дополнительным смыслом за счет созвучия этих лексем с разговорным белорусским глаголом *мукаць* (рус. — *мычать*), поскольку образ уныло мычащей голодной яловой коровы вносит дополнительный экспрессивный смысл в значение лексемы *мука*.

Таким образом, в поэтической речи организация звуков приобретает особую значимость: означающие языковых знаков могут иметь между собой самые разнообразные связи (полного или частичного сходства, контраста, дизъюнкции), создающие разнообразные оттенки смыслов. Заметные изменения в расстановке единиц означающего сигнализируют о прямо не наблюдаемых смысловых, стилистических и прагматических сдвигах в плане содержания. Выявляется сходство фонетических средств, которыми репрезентируются новые оттенки смыслов слова в русских и белорусских поэтических текстах. При этом отличия фонетической и лексической систем белорусского языка от русского (в частности, твердые звуки [р] и [ч], наличие [ў] неслогового и под.), естественно, находят отражение в белорусской поэзии и не могут наблюдаться в русских поэтических текстах.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ахмадулина Б. Друзей моих прекрасные черты. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 464 с.
- [2] Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 114—163.
- [3] Гербстман А. Звукопись Пушкина // Вопросы литературы. 1964. № 5. С. 178—192.
- [4] Из века в век. Белорусская поэзия: Стихотворения. М.: Пранат, 2003. 704 с.
- [5] Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 236 с.
- [6] Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1989—1992.
- [7] Флоренский П.А. Пути и средоточия // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3: У водоразделов мысли. С. 34—45.
- [8] Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994—1995.

LANGUAGE SPECIFICITY OF THE POETIC TEXT IN RUSSIAN POETRY AND BELARUS

E.Yu. Mouratova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Moskovskaya av., 33, Vitebsk, Belarus, 210038

The article devoted to comparative analysis of Russian and Belarusian poetic texts. The author investigates the level of specificity of the phonetic poetry. Phonetic importance manifested in the form of a special organization of the sound of the poetic text, in which the frequency and grouping of phonemes different from the norms of common speech. Influence of sound on the value evident in Russian and Belarusian poetry by organizing special sound series, repeat a certain group of sounds-and-sense isotopy.

Key words: audio series, lexical meaning, phonetic significance phonetic approximation

REFERENCES

- [1] Ahmadulina B. *Druzej moih prekrasnye cherty: [stih]*. [Friends of my beautiful features: [poems]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 1999. 464 p.
- [2] Bart R. *Osnovy semiologii // Strukturalizm: «za» i «protiv»: sb. st. / pod red. E.Ja. Basina, M.Ja. Poljakova*. [Fundamentals semiology // structuralism “pros” and “cons”: Sat. Art. / Ed. Ey. Basin, M.J. Polyakov]. Moscow: Progress Publ., 1975. Pp. 114—163.
- [3] Gerbstman A. *Zvukopis' Pushkina // Voprosy literatury*. [Pushkin Zvukopis // Questions of literature]. 1964. No. 5, pp. 178—192.
- [4] *Iz veka v vek. Belorusskaja poezija: Stihotvorenija*. [From age to age. Belarusian Poetry: Poems]. Moscow, Pranat Publ., 2003. (Series “From century to century. Slavic poetry of XX—XXI»). 704 p.
- [5] Lotman Yu.M. *Roman A.S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Kommentarij: posobie dlja uchitelja*. [Pushkin's Novel “Eugene Onegin”: Note: a manual for teachers]. Leningrad: Education Publ., 1980. 236 p.
- [6] Pasternak B. *Sobranie sochinenij: v 5 t.* [Collected Works: 5 v.]. Moscow, Hudozhestvennaja Literature Publ., 1989—1992.
- [7] Florensky P.A. *Puti i sredotochija // Sochinenija: v 4 t.* [Ways and center // Works: 4 v.]. Moscow, Mysl' Publ., 1999. T. 3. Pp. 34—45.
- [8] Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected Works: 7 v.] Moscow, Ellis Lak Publ., 1994—1995.